

Георгий КОЖОЛЯНКО

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У РУСИНОВ БУКОВИНЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В семье в значительной мере отражаются экономические, социальные, этические, культурные, правовые отношения общества. Семья как малая социальная группа изменяется под воздействием материальных и общественных отношений. В украинско-руси́нских селах Буковины кровное родство исчисляли от седьмого-четвертого поколения, но обязательно хранились в памяти сведения о прапрадедах, а в отдельных случаях – и о дедах и бабках прапрадедов¹.

По схеме исчисления родства от четвертого поколения выделялись родственники родителей и их предки: брат отца и матери – **дядя, вуйко**, а его жена, как и сестра отца и матери, – **тетка, матуша, тэта, китка** (тетя). Детей братьев и сестер отца и матери звали соответственно **непот** и **непота**. Сыновей и дочерей называли **дети, детища** (на буковинской Гуцульщине – **гитища**), внуков – **внук, внучок (внука, внучка)**. Зятя звали **зеть, сын**, невестку – **невестка, дочь**. Внебрачных детей звали **звидинични дети** (на Гуцульщине – **звидинични гиты**), **бенкарты, незаконнорожденные, бахуры**. Отношение в обществе к таким детям было пренебрежительным, только на буковинской Гуцульщине к ним относились довольно снисходительно².

Семья как первоначальное звено общества имеет четкую систему отношений, рангов, подчиненности и дисциплины. В XIX в. в Буковинском крае основной формой семьи была малая семья, состоявшая из двух поколений (родители и дети). Насчитывала такая семья от 2-3 до 8-10 человек. Семьи с количеством членов более десяти человек встречались редко. Имели место случаи, когда в такой семье жил кто-то из родственников главы семьи (неженатые братья или сестры).

На Буковине в конце XIX – начале XX в. еще существовала историческая форма семьи – неделимая патриархальная семья, которая состояла из нескольких поколений. Образовывалась она путем разрастания малых семей и назывались **родственная семья, фамилия, родственный угол**. Часто такая семья состояла из братьев – потомков общего предка в третьем поколении и их семей.

Такие семьи наиболее были распространены у русинов Буковинского предгорья (села Великий Кучуров, Снячев, Тисовцы, Молодия, Каменна, Михальча, Бобивцы, Драчинцы, Панка, Старая Жа-

дова), в верхнем буковинском Попрутье (села Стрелецкий Кут, Мамаевцы, Ревне, Шипинцы, Берегомет) и в равнинной зоне края (села Викно, Митков, Бридок, Добриновцы, Погориловка, Товтры, Ридковцы, Топоривцы). В буковинских Карпатах такие семьи-общины составляли родственный хутор³.

Патриархальный тип семьи определял характер семейных отношений, систему нравственных ценностей и установок, семейные обряды и обычаи. Семью-общину возглавлял старший по возрасту, но обязательно опытный, трудолюбивый человек – **дед, отец, пастырь**. Женскую половину семьи возглавляла, как правило, жена старшего мужчины – **«матка», «моша»**.

В случае потери способности управлять семьей из-за немощи руководящие функции переходили к следующим по старшинству мужчине и женщине.

Определенные функции в семейных отношениях оставались за старшими членами семьи до их смерти (осуществление обрядов во время праздников, определенных религиозных ритуалов, лечение традиционными методами и пр.).

В Прутско-Днестровском междуречье и Буковинском предгорье супруги называли друг друга **мой, моя**, а на Гуцульщине – **цися** (эта), **сэс** (этот).

Часто употребляемым обращением мужчины к женщине или в разговоре было слово **молодыця**, которое использовалось даже при названии старух. Однако имели место, особенно в предгорьях Карпат и в горах, пренебрежительные названия женщины – **баба, стара, кыржа**.

Власть в таких семьях была отцовской (мужской), что предполагало зависимость всех членов семьи от главы-отца. Он распоряжался семейной собственностью, хозяйством, движимым и недвижимым имуществом.

Глава семьи пользовался всеобщим уважением, ему подчинялись все члены семьи и даже слуги, которых он называл на «вы». На «вы» дети обращались к отцу и матери, а младшие братья и сестры – к старшим.

В семье и в общественной жизни мужчина занимал господствующее положение. Так, жена обращалась к мужу только на «вы», а он всегда к ней – на «ты»⁴.

Жена занимала по отношению к мужу подчиненное положение. Он считался не только мужем, но и господином, слово его было решающим.

Подчиненность жены четко проявлялась, когда супруги оба выходили из дома и шли по улице. Муж всегда шел впереди, а жена – сзади на три-пять шагов.

В конце XIX в. (1899 г.) жандармское управление Буковины опубликовало книгу «Буковина. Общее краеведение», где в разделе о

семейных отношениях было написано следующее: «Муж считает жену совсем не равной себе, он воспринимает ее, скорее всего, как часть своего хозяйства, и это отражается в том, что, когда он приходит домой пьяный, то начинает драку, поскольку поговорка гласит: "Жена небитая, как коса неклепанная"»⁵.

В свадебной обрядности русинов также отражается превосходство мужа над женой. Так, например, в свадебном обряде, когда жених приезжает забирать невесту, он трижды бил ее палкой по спине в знак своей власти над женой, а потом садился с ней на воз и вез к себе домой⁶.

Низкое социальное положение женщины сохранялось у русинов до начала XX в. Буковинский этнограф конца XIX – начала XX в. Р.Ф. Кайндль писал: «Крестьянин зовет свою жену, как собаку, добавляя к ее имени - «ня», и даже парень, когда приглашает девушку танцевать, делает это свистом»⁷.

В XIX в. нередко были случаи, когда мужчина-отец единолично продавал скот, зерно или любое имущество без согласования с другими членами семьи.

Только в случае, когда женщина вскоре должна стать матерью, мужчина проявляет к ней определенное уважение и стремится удовлетворить ее желания (приносит фрукты, любимую пищу, сладости и пр.), поскольку народное поверье связывает с этим счастливый исход родов.

Наряду с диктатом отца в семье русинов Буковины имело место уважение к матери и своеобразный ее культ среди близких родственников. Краевед Г. Маковий зафиксировала в с. Великий Кучуров (предгорная зона Буковины) особое отношение к жене-матери: «Без маминого благословения не пахали землю, не засевали поле, не входили в новое жилище, не отправлялись в дорогу. Ребенок, проснувшись, умывал лицо и целовал матери руку перед тем, как обратится к Господу с "Отче Наш". "Кто мамку оскорбляет, того Бог карает" - существовала поговорка. "Мамка говорили, мамка просили..." – говорили с уважением»⁸.

В начале XX в. мужской диктат в семье ослабевает, и вопросы распоряжения имуществом все чаще решаются как главой семьи – отцом, так и его женой (*жинкою*) совместно на семейных советах.

Традиция подчинения мужчине женщины и других членов семьи отцу сохраняется и в начале XX в. Только с установлением советской системы общественных отношений в 40-х гг. XX в. происходит ослабление влияния отца на других членов семьи даже на бытовом уровне. Соответственно, участились случаи ухода детей из семьи и их женитьба без согласия родителей и т.д.

В равнинной и предгорной местностях Буковины женщины участвовали в земледельческих работах наравне с мужчинами. Только

на лесоразработках, лесосплаве, добыче и переработке железной руды (рудники Якобены), серебряной руды (завод в Кирлибабе), производстве поташа и дегтя в предгорье Карпат, при художественном производстве стекла преобладал мужской труд.

Направленность хозяйственной деятельности отдельных зон Буковины отражалась на специфике трудовой деятельности членов семей. Если, например, в равнинной зоне сельскохозяйственные работы осуществлялись как мужчинами, так и женщинами, то на Гуцульщине отгонным скотоводством занимались исключительно мужчины.

Кроме земледельческих работ, молочного хозяйства и домашних обязанностей, в круг женских работ в предгорной и равнинной частях Буковины входили заготовка льноволокна и шерсти, изготовление одежды для всех членов семьи.

В Прутско-Днестровском междуречье и в Буковинском предгорье женщины принимали непосредственное участие в сезонных работах - в уходе за сельскохозяйственными культурами, жатве, молотье. Только в пахоте женщины не участвовали, а в межсезонье они выполняли исключительно домашнюю работу.

Имущество в больших буковинских семьях-общинах в XIX в. было коллективным и включало недвижимость (жилье, хозяйственные постройки, землю) и движимое имущество (скот, а также общее семейное имущество, к которому относились орудия труда, оружие). В то же время одежда, посуда, некоторые предметы домашнего обихода могли быть семейной или индивидуальной собственностью.

У женщин в собственности находилось приданое, которым она обладала до прихода в семью. Семья, выдавая девушку замуж, давала ей в приданое часть поля – *материзну* (участок поля, пастбища), скот, различные домашние вещи и одежду. Предметы одежды, как правило, были изготовлены или самой девушкой, или с помощью ее матери еще до замужества.

Материзна передавалась по наследству по женской линии. Часто прибыль от этой части земли использовалась для приготовления приданого девушкам.

На Буковине прямыми наследниками имущества были старший сын или просто сын, а если сыновей не было, то наследование шло по мужской линии – к братьям отца, племянникам и т. д. Частыми были случаи, когда семьи не имели наследников по мужу. В таком случае усыновляли зятя, который становился единственным наследником⁹.

В условиях существования частной собственности на землю заключение браков и формирование новых семей происходило под влиянием родителей, которые владели землей. Поэтому часто отец и мать даже не советовались с детьми о выборе их будущего парт-

нера. Решали этот вопрос между собой родители обеих сторон. Бывали случаи, когда парень и девушка не были даже знакомы вплоть до времени посылания сватов¹⁰.

В отдельных случаях заключались и неравные браки, когда, например, богатый женился на бедной. Родители девушки шли на такой шаг, чтобы в будущем улучшить материальное положение дочери, а попутно и свое, а также чтобы подняться выше в глазах общества благодаря родству с богатыми. Подобные случаи встречались и в соседних регионах¹¹.

По нормам обычного права нормальным брак считался тогда, когда сын после женитьбы оставался со своими родителями, а позднее отделялся в хозяйственную семью, а девушка с замужеством переходила в семью мужа (патримониальный брак).

На Буковине также заключались браки посредством системы семейных отношений – *приймы*, когда зять селился у тестя. Такие браки были менее престижными, и они происходили в том случае, когда за счет богатых сватов жених хотел улучшить свое материальное положение или в хозяйстве тестя не хватало рабочих рук (из-за болезни, потери трудоспособности лиц мужского пола и т. д.).

На Буковине приймы практиковались по воле родителей, по желанию парня и его родителей, по приглашению девушки и ее родителей или только матери, если отца не было.

На Буковине в XIX в. встречались разные варианты брака: брак по согласию (брак по обычаю, по закону), брак-похищение и брак «на веру». Но в целом преобладал брак, имевший в основе народные традиции, обычаи и обряды.

Церковное венчание вплоть до конца XIX в. не было традиционным и практиковалось в основном зажиточными крестьянами, помещиками, чиновниками. С соединением христианства и дохристианских верований, из-за давления как церковников, так и представителей администрации, для которой христианская вера была более приемлемой, поскольку проповедовала смирение перед угнетателями, в конце XIX в. на Буковине утверждается церковное венчание.

На Буковине проявления двоеверия (язычества-христианства) даже в начале XX в. наиболее отчетливо прослеживается именно в семейной и календарной обрядности, хотя большой пласт дохристианских верований и обрядов существует в крае и сейчас.

В конце XIX – начале XX в. только венчание в церкви, без проведения свадьбы, фактически не практиковалось. Без гражданской свадьбы брак был недействительным, в то время как свадьба без венчания для создания новой семьи считалась правомерной. По-

добное явление отмечено исследователями и в других восточно-славянских регионах¹².

Жить «на веру» не было распространенным явлением среди буковинцев. Такие браки заключались людьми, которые не получили согласия родителей, например из-за бедности (не имели возможности сыграть свадьбу и осуществить венчание) или из-за отсутствия прав вступать в брак (девушка, которая имела внебрачного ребенка, или лица, которые уже состояли в браке и развелись, и пр.).

Браки-похищения встречались в быту буковинцев как в XIX, так и в начале XX в.¹³ Такой брак предусматривал похищение девушки, как правило, с ее согласия.

Похищение осуществлялось в случае отказа в благословении на брак родителей как невесты, так и жениха. Похищенную девушку парень приводил домой с какого-нибудь сельского праздника.

Часто такую форму брака практиковали бедняки, которые из-за отсутствия денежных средств не могли устроить свадьбу, сделать свадебные подарки в соответствии с народными традициями.

Развод супружеских пар воспринимался обществом негативно. Только в случаях серьезной болезни или отсутствия детей община допускала развод. Мотивированным считался развод также тогда, когда одна из сторон угрожала смертью другой.

На буковинской Гуцульщине, например, существовала практика разводов из-за наличия гермафродитности у кого-то из супругов.

По нормам обычного права у русинов-гуцулов, если жена была сварливая и бесхозяйственная, то муж мог ее выгнать, а дети в большинстве случаев находились с тем, кто оставался в доме, чаще с отцом.

В буковинских Карпатах отмечены случаи, когда «мужчина рядом со своей брачной женщиной содержит еще и других женщин»¹⁴.

При разводе супруги благодарили друг друга за совместно прожитые годы, просили прощения за *розхид* (развод). Обряд развода заканчивался разрезанием пояса или полотенца на две части.

Среди русинов-гуцулов буковинской Гуцульщины еще в конце XIX – начале XX в. развод осуществлялся очень своеобразным способом. В случае желанья расторгнуть брак инициатор развода (мужчина или женщина) добровольно покидал дом, село и устраивался на проживание в другом, порой очень отдаленном селении.

Процесс развода подчеркивал подчиненное положение женщины в семье. Как отмечал Р.Ф. Кайндль, на Гуцульщине «нередко мужчина, по праву и без права, прогоняет свою жену и принимает на ее место любаску. Женщина после этого идет к людям или даже к какому-то любовнику (любасу)»¹⁵.

У русинов изнасилование не трактовалось как преступление. Даже существовала поговорка: «Девка и корчма каждому вольна»¹⁶.

Также если девушка позволяла насилие над собой, то его нельзя было потом считать преступлением.

В целом среди румунів Буковины от Днестра до Карпат в конце XIX – начале XX в. разводы были редким явлением. Так, по материалам этнографической экспедиции ЧНУ на буковинскую Гуцульщину отмечено, что в начале XX в. в селе Розтоки был один развод на 300 семей, существовавших тогда в этом селе¹⁷.

В основе семейных отношений были не гармоничные дружески-любовные отношения мужчины и женщины, а преимущественно экономические, конфессиональные, правовые.

В результате изменений, которые произошли во второй половине XX в., ослаб, а с 90-х гг. и вовсе исчез общественный контроль за состоянием семей, прервалась связь поколений, уменьшилась роль женщины в семье (в формировании и поддержании семейного микроклимата, воспитании детей, подготовке к будущей супружеской жизни юношей и девушек и т. д.), изменилась традиционная система общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кайндль Р.Ф. Гуцули. Чернівці, 2000. С. 38.
2. Там же. С. 39.
3. Материалы этнографической экспедиции Черновицкого национального университета (МЭЭ ЧНУ). Т. 3. 1983. С. 5. Т. 2. 1991. С. 12; Т. 7. 1996. С. 6–18.
4. Die Bukowina. Eine allgemaine Haimatkunde. Czerowitz, 1899. P. 122.
5. Там же. С. 122–123.
6. Kaindl R.F. Die Rutenen in der Bukowina // Der Buchenwald. №3, 1889; Перевод на укр. «Русини на Буковині». Чернівці, 2007. С. 63.
7. Там же. С. 66.
8. Маковій Г. Пісня одного села. Чернівці, 1998. С. 46.
9. МЭЭ ЧНУ, 1984. Т. 2. С. 15.
10. Кожолянюк Г.К. Народознавство Буковини. Громадський та сімейний побут. Чернівці, 1998. С. 41.
11. Кравець О.М. Сімейний побут і звичаї українського народу. К., 1996. С. 47.
12. Литвинова-Бартош П. Весільні обряди і звичаї у Чернігівщині // Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1906. Т. 3. С. 70.
13. МЭЭ ЧНУ, 1995. Т. 12. С. 5–6.
14. Кайндль Р.Ф. Указ. соч. С. 35.
15. Там же. С. 39–40.
16. Die Bukowina. Eine allgemaine Haimatkunde. P.126.
17. Кожолянюк Г. Етнографія Буковини. Т. 2. Чернівці, 2001. С. 43; МЭЭ ЧНУ, 1983. Т. 6. С. 13.